

Пересечение...

Гибель Машерова 4 октября 1980 года продолжает привлекать внимание телевидения. В минувшее воскресенье очередную попытку разгадать "тайну" предприняло НТВ, придя к выводу о мифичности "заговора". Два года назад оно же в передаче "Следствие вели..." утверждало противоположное. Поневоле приходишь к мысли о том, что для авторов этих и других фильмов и передач трагическая судьба человека — лишь повод для очередного политического детектива...

История не любит сослагательного наклонения.

Сослагательное наклонение любят историки.

В конце фильма молодые российские историки охотно рассуждают на тему "Что было бы, если бы Машеров остался жив?".

Рассуждения сводятся к тому, что он почти наверняка стал бы лидером КПСС и СССР. И уж тогда могучее государство не развалилось бы...

Самое любопытное, что этот вопрос время от времени волнует и часть критически настроенной и к СССР, и к нынешней белорусской власти публики. И в оппозиционной среде можно услышать: "Вот если бы Машеров был жив!". Имеется в виду, что белорусская история пошла-поехала бы другим путем...

Есть все-таки некая загадка в том, что имя Машерова продолжает пересекаться с абсолютно противоположными политическими интересами.

Между тем 90-летие Машерова, выпавшее на этот год, осталось фактически без внимания. Хотя еще недавно его образ и популярность нещадно эксплуатировались для создания имиджа нынешней власти — "наш Петр Миронович"...

Не получилось. Тогда сочли за лучшее отодвинуть в сторону, попросту говоря, забыть.

Увы, никто не знает, что было бы, если бы Машеров остался жив. Но вопрос, как видим, время от времени задается, давая повод еще раз подумать о том, чьим же он был, "наш Петр Миронович"...

Чей же он, «наш Петр Миронович»?

О Машерове в лучшие для памяти о нем годы говорили как о подлинно народном герое, национальном лидере, совершенно справедливо настаивая на том, что из истории нельзя вычеркнуть целую эпоху и людей, чьими именами эта эпоха памятна и чьими делами она во многом была творима.

Вычеркнуть нельзя. Оценить — по справедливости — можно и нужно. Но для этого вовсе не обязательно творить новую идеологию на основе старых мифов. Равно как — с обратным знаком — клеймить позором минувшее, объясняя его пороки заведомой греховностью и аморальностью людей, державших в своих руках рычаги власти. Или державшихся за них. Что, разумеется, не одно и то же.

Машеров был из тех, кто держал эти рычаги. Но не держался за них до белых костяшек. Что не так уж трудно доказать, если вспомнить то особое место, которое он занимал в партийной иерархии, будучи если не гонимым, то уж во всяком случае не любимым своими вышестоявшими "товарищами по партии". Тщательно скрываемая, эта "нелюбовь" с отвратительной жесткостью проявилась в дни его похорон, резко контрастируя с чувствами сотен тысяч людей, потрясенных его трагической гибелью.

Машерова действительно любили в народе. И тут важно понять за что.

На мой взгляд, и прежде всего, за то, за что не любили в кремлевских верхах: за непридуманное героичество в годы войны, за нежелание смотреть в шамкающий рукав ведущий рот, за неучастие в гонке за звездами и прочей атрибутикой разложения, за простоту поведения, сочетаемую с артистизмом и даже некоторой аристократичностью манер, наконец, за молодость и спортивную подтянутость фигуры, легко узнаваемой то ли на трибунах, то ли среди праздничной, по случаю в основном военных юбилеев, толпы...

Но не только. Его любили в народе еще за искренность, с которой он сам верил в то, во что верил народ. Во всяком случае, его рабоче-крестьянское большинство, безоглядно верившее в способность представляемой им власти накормить, обуть, одеть, защитить от вражеской напасти и потому — в незыблемую этой власти правоту.

ры и предположения о том, что ему уготована роль руководителя профсоюзов СССР. Многие партийные функционеры говорили об этом, как о возможном для него наказании. В профсоюзной же среде, отягощенной и униженной своей тотальной зависимостью от партийной бюрократии, этот вариант воспринимался с некоторой надеждой: Машеров, как никто из тогдашних вождей, профсоюзных в том числе, "смотрелся" в роли "защитника интересов трудящихся"...

Но была в этом "единстве с народом" и другая, гораздо более глубокая сторона. Именно на его, машеровское, пятнадцатилетие пришелся статистически мощный подъем белорусской экономики — невиданный ранее рост урожайности в сельском хозяйстве, создание высокотехнологичных по тому времени промышленных производств...

После войны и разора, после нищенства и голодухи, после вечной заботы и скудости это казалось почти чудом: химические гиганты и белоснежные города на берегах живописнейших рек, ревущие самосвалы и юркие трактора, асфальт на пыльных проселках и центнеры, центнеры, центнеры, извлекаемые из бывших болот... Синица, похоже, сама просилась в руки. Да и журавль в небе, казалось, уже вполне различим...

В те — 60—70-е — годы я работал в молодежной газете и в досталь помотался по стройкам, самая масштабная из которых разворачивалась на Полесье. С мелиорацией этого уникального края, главного, как его называли, "болота Европы", связывались при Машерове особые надежды. С абсолютной уверенностью можно утверждать, что мелиорация Полесья перепахала сознание целого поколения, определила его — во многом драматичную — судьбу и мировоззрение, согласно которому "иного нет у нас пути", как насильственно отринуть "все старое, отжившее", чтобы дать дорогу "всему новому, передовому"...

"Отжившей" оказалась старуха, по кирпичику собирающая разваленную бульдозером печку — все, что осталось от ее хутора в Березовском районе. Да еще старый могучий клен, так и не уступивший бульдозерному ношу и тросу, как ни старались славные ребята-комсомольцы. Только шрамы остались, видны, говорят, до сих пор...

Это было время Большого Мифа, распознать который было тем труднее, чем громче и напоистей проводилась политика мелиорации, вдохновителем и организатором которой был Машеров.

То же можно сказать о политике химизации, о политике ликвидации "неперспективных" деревень, о политике концентрации, специализации и прочих "политиках", вплоть до заготовок веточного корма в неурожайный год, было и такое...

Кому это нужно было? Машерову? Безусловно. Но только в той мере, в какой это нужно было народу, поверившему в возможность единым махом прорваться из бедности в благоденствие. Но и тогда уже эта вера зашаталась, дала трещину, которая ширилась и ширилась до тех пор, пока тогдашний народ окончательно не прозрел, оказавшись над безумной бездной Чернобыля.

Тогда и задумался над ценой, какой заплачено за Большой Миф.

Над ценой, какой заплачено за белоснежные города, в которых нечем дышать; за центнеры, содравшие, словно мясницким ножом, живую кожу с Полесья; за животноводческие комплексы — экологические бомбы, заложенные по всей Беларуси...

Все дело в цене. И, конечно, в самой главной, самой большой — в физическом и нравственном нездоровье нации, по кусочкам, ниточкам, обрывкам восстанавливающей сейчас свои корни, чтобы избавиться от навязчивого, точнее, навязанного ей страха перед своим будущим.

Сознавал ли сам Машеров ту угрозу разрушительства, которую несет в себе насильственный способ созидания, исключаящий участие в нем свободно мыслящего и свободно действующего

пусть себе резвится в небе. То бишь в речах и прочем вдохновенном словоблудии — во славу Идеи...

Так вот: сознавал ли Машеров глубину этого раскола? Сознавал ли, что на место Большого Мифа приходит Большая Ложь? Скорее, ощущал, ибо осознание, случись оно в полной мере, потребовало бы от него совсем иной логики политического поведения. Но все-таки ощущал, поддерживая, в отличие от последышей, творческую интеллигенцию.

Конечно, не все так просто было в его отношениях с интеллигенцией. Сам интеллигент, учитель по профессии, он тянулся к подвижникам духа. Но, не рядясь в отношения с ними в тогу партийного самодержца, все-таки оставался им по самой своей сути коммунистического политика. Покровительствуя одним, изгонял других, не менее значимых. Хорошо памятна обстоятельность эмиграции семьи Заборовых, один из которых — Борис — уже тогда был художником с мировой известностью. На одной из картин серии "Цифры на сердце", впервые выставленных уже тогда обласканным властью Михаилом Савицким, в карикатурном виде надсмотрщика и как бы соучастника эсэсовских преступлений был изображен заключенный в гитлеровский концлагерь еврей. На что прямо указывали не только карикатурно подчеркнутые черты внешности, но и нашата на лагерную робу желтая звезда. Разгорелся скандал. Машеров, говорят, просил замазать звезду. Но было поздно — многие, Заборовы в их числе, не простили плевка в трагическую судьбу целого народа, совершенного под покровительством власти и при ее молчали-

Потом они сказали "наш Петр Миронович". Потом он стал "не наш", вошел, так сказать, в пересечение с нынешней властью. Недаром бывший проспект его имени в народе называют "проспектом Победителей Машерова"...

Так чей же он, "наш Петр Миронович"?

Он, конечно, был истинным белорусом. В той мере истинности, с какой сознавал себя белорусским живший при нем народ.

Истинным и последним, кто связывал с коммунистическим режимом надежды на его достойную жизнь.

В попытках укрепить эту связь, ощущая ее надрыв, он, как за последнюю соломинку, хватался за память о войне. Но и эту память уже тогда оседлал пропагандистский идол, сумев даже из Хатыни, которой без Машерова попросту не было бы, сотворить идеологический муляж.

Он, конечно, был человеком своего времени. Имя его принадлежит не политикам, и уж тем более не проспекту — истории, а трагическая судьба содержит в себе горький урок.

Смертельный поводок

И все-таки: почему погиб Машеров?

Создатели фильма утверждают, что кремлевского заговора не было. Это, замечу, новое слово о трагическом "пересечении", случившемся 28 лет назад. Но очень поверхностное.

Гибель Машерова, убежден, произведена от Системы, которой он сам верно служил и в которой всякая попытка освободиться от пут тотальной регламентации имеет своим последствием траге-

го движения с правилами жизнеустройства вообще, то первые куда в большей степени, чем вторые, могут претендовать на истинный демократизм, когда каждый в своем движении свободен, не ущемляя свободу других.

Вот уж поистине демократия — не вседозволенность. Вседозволенность — это тоталитаризм с его внушаемыми обществу представлениями о Порядке. Но и поводок, который, чем ближе человек к власти, тем более удушающ, а то и смертелен. Убежден: в тоталитарном обществе самый несвободный человек — это обладатель той или иной меры власти. Обладатель абсолютной власти несвободен абсолютно. Машеров был обладателем абсолютной власти. Но психологически, как, собственно, любой мыслящий человек не мог не стремиться к личной свободе. Его трагедия вызрела на стыке этого парадокса. Доказательством, для меня во всяком случае, может служить эпизод, который довелось наблюдать за неделю или полторы до машеровской гибели.

Тогда в Минске проходил Всесоюзный слет пионеров-следопытов — мероприятие тяжелое, густо замешанное на идеологическом вареве, но в чем-то и трогательное, все-таки дети...

В тот день, ближе к вечеру, намечался митинг-реквием в Хатыни. По программе, розданной журналистам, участие Машерова не предполагалось, у него, видно, были другие дела.

Выехали мы на служебной машине часа за два — дорога не быстрая, к тому же чрезвычайно, почти как сейчас, загруженная часом пик. При выезде с боковой улочки на главный проспект мы с Виктором Никитичем, водителем, заметили, как пронеслась, буквально промчалась на огромной скорости машеровская "Чайка" с ним самим, с телефонной трубкой возле уха, на переднем сиденье. Сопровождения не было, и, поехав следом, мы увидели на ведущей в сторону Хатыни улице Якуба Коласа апокалипсическую, без преувеличения, картину. "Чайка" буквально разодрала улицу с ее потоком легковушек, трамваев и грузовиков. Машины сгрудились в пробки, трамвай резко тормозили, валя пассажира в свалку, народ разбегался, а постовая милиция... Да что там! В момент потеряв "Чайку" из виду, мы ехали уже мимо всего случившегося, заметив, как люди откачивали на тротуаре свалившегося от напряжения гаишника.

В Хатыни мы приехали почти через час после Машерова.

На обратном пути Виктор Никитич рассказал о разговоре с Евгением Зайцевым, шофером Машерова, благо давно его знал. Ну о чем могут говорить два водителя? Конечно же, о своей беспо-